

Роман Злотников, Олег Маркелов

КРЫЛО АНГЕЛА

Москва
T8 RUGRAM
2019

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2Рос=Рус)
3-68

Миры Романа Злотникова

Злотников, Р.В., Маркелов О.В.

3-68 Крыло ангела / Р.В. Злотников, О.В. Маркелов. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2019. – 414 с.

ISBN 978-5-519-65967-3

Алексей родился в Советском Союзе, отслужил в армии и вернулся в совсем другую страну – в Россию. Занялся бизнесом, поймал удачу за хвост, и со временем ему уже многие завидовали. А что, вроде бы у парня всё есть: своё дело, иномарка, квартира, любимая девушка. Но что-то не даёт Алексею покоя – иногда возникают тени воспоминаний о том, чего не было, и появляется странное ощущение, что где-то далеко его ждёт другой мир. Проверить это ощущение оказалось легко, всего-то и нужно было остановиться лунной ночью на МКАД, выйти из тонирующей «ауди» на обочину и шагнуть в портал... Однако память о давнем прошлом просыпается не так скоро, а сражаться за свою жизнь и за новых – или старых? – друзей нужно уже сейчас...

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FLC
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-519-65967-3

© Роман Злотников, 2007
© Т8 RUGRAM, оформление, 2019

П Р О Л О Г

Солнце уже скрылось за невысокими горами, но небо пока не сдалось подступающей тьме, хотя и склонилось перед ней. Чистое и все еще светлое, оно уже не освещало раскинувшиеся каменистые холмы, покрытые скупой растительностью, а, напротив, светом своим словно делало растекающийся по земле сумрак еще темнее, как бы говоря: «Не надо гневаться, тьма, я вижу твою силу и даже оттеняю ее, чтобы она была лучше видна». Но, склоняясь перед быстро надвигающейся тьмой, небо все равно стремилось донести в заполняемые этой тьмой долины последние лучи ушедшего светила как символ надежды и знак непременного, неминуемого возвращения света...

Небольшая, уютная долина, спрятавшаяся между невысоких отрогов близких гор, по большей части уже оказалась захлестнута тенью. И лишь несколько из россыпи маленьких приземистых домиков, будто горсть фасоли брошенных в эту долинку, все еще несли на крышах отсветы уходящего дня, а остальные уже усталились на подбирающуюся южную ночь светящимися глазами окон.

Стоящий на крыльце одного из домиков молодой мужчина курил, задумчиво глядя на кромку гор, четко очерченную на фоне неба, словно смастеренную арбатским художником-импровизатором, который взял, да и

вырезал вместо профиля из черной бумаги эти причудливые пики. Мужчина выпускал струйки сигаретного дыма, перемешивающегося с густым, жарким еще воздухом, слушал громкий стрекот цикад и вспоминал свою родину. Хотя какая родина может быть у советского офицера? «Мой адрес не дом и не улица. Мой адрес — Советский Союз». Разве мог представить себе пацан из небольшого провинциального городка, любимым развлечением в котором было нестись во весь дух с друзьями на велосипедах к речке, а потом купаться до посинения, что окажется вскоре на самом краю своей великой Родины, у самых южных ее границ?

Но жизнь — непредсказуемая штука. После школы он поступил в военное училище, расположенное в полусотне километров от родного дома. Учеба, свидания с девочками, смотрящими на бравого курсанта восторженными глазами. Первая сигарета, закуренная скорее для солидности, чтобы казаться взрослее. Первые поцелуи. Бравая небрежность в голосе: «Дальше Кушки не пошлют — меньше взвода не дадут». Но все когда-нибудь кончается. И вот распределение. Потом поезд. Пересадка — и еще один, гораздо грязнее первого и набитый битком. Затем раздолбанный автобус. И как венец — кузов дребезжащего армейского «ЗИЛа» и круглые глаза юной жены в сумраке тента... Оказалось, что на необъятных просторах великой страны есть места, про которые вполне можно было сказать, что они «дальше Кушки». Вот, например, это, где перепад дневной и ночной температуры больше тридцати градусов, где цивилизация в своем развитии остановилась, наверное, пару веков назад и где постоянно надо смотреть под ноги, чтобы не наступить на хвост гюрзе, не напугать скорпиона или фалангу. И только одному Господу известно, когда и куда его переведут отсюда.

Рубиновый огонек сигареты, отправленной во тьму щелчком, описал короткую дугу и скрылся где-то среди

камней. Последний раз полной грудью вдохнув теплый воздух, мужчина шагнул в дом, где молодая офицерская жена укладывала трехмесячного сынишку.

— Он еще не спит? — спросил шепотом мужчина, услышав жалобные всхлипы малыша.

— Наверное, животик болит, — ответила женщина.

Она лежала на краю невысокой кровати-топчана и, протянув руку сквозь решетку стоящей рядом детской кровати, старалась успокоить ребенка. Однако малыш тревожно ворочался, всхлипывая и словно пытаясь оттолкнуть руку матери. Мужчина выключил свет и лег на свободное место. Он почти тотчас заснул, а женщина все лежала, глядя рукой сына и силясь понять его тревоги.

...Страшные твари бежали размеренным шагом, неторопливо, но неотвратимо приближаясь. *Он* видел их, как и многих-многих других, присутствующих в этом мире. И они тоже знали, что *он* видит их. Вот только почему-то не боялись... Их сухие тела, больше похожие на обтянутые темной кожей скелеты, двигались легко и четко, словно заведенные автоматы. Длинные ноги с высокой голенью и сгибающимися назад, словно у птиц, коленями, совсем не создавали шума. Лишь по облачкам пыли, взлетающей при каждом стремительном шаге, можно было понять, что это не бестелесные призраки, скользящие во тьме южной ночи. *Он* пытался подняться, чтобы встретить обнаглевших охотников во всей своей мощи. Мощи чрезмерной для таких ничтожных и презренных падальщиков. Но тело не слушалось. Даже разум был окутан непонятной пеленой, в которой зияли лишь отдельные частые прорехи. Как будто пятна чистой сини в темном грозовом небе. *Он* крутился, борясь с непослушным телом и чувствуя себя перевернутым на спину майским жуком, которого вот-вот растопчут. Осознав всю тщетность своих усилий, замер, прислушиваясь и присмат-

риваясь. Рядом был еще кто-то. Мужчина и женщина. Мужчина спал, а женщина касалась рукой *его* головы и что-то шептала. Она пыталась успокоить *его* страхи — это было совершенно ясно.

— Уходи, женщина, — попытался сказать *он*, отталкивая ее руку. — Они идут лишь за мной. Но заберут всех, кто окажется рядом.

Горло дергалось, сияясь облечь *его* мысли в слова, но лишь жалкое мяуканье рождалось в нем. Детский плач? *Он* с ужасом понял, почему столь беззащитным и жалким чувствует себя сейчас. *Он* был заключен, словно в прочнейшие кандалы, в крошечное детское тело. Тело маленького, трехмесячного ребенка.

Твари были уже совсем близко. Теперь *он* чувствовал и их возбуждение, словно у гиен, вышедших на едва живого и неспособного сопротивляться льва. Они замедлили бег, приближаясь к дому и в свою очередь прислушиваясь. Со львом, когда тот умирает, все же надо держать ухо востро. Лишь легкое порывкивание, воспринимаемое обитателями этого мира как приступы необъяснимого страха, выдавало их нетерпение. Но в своих действиях они этого нетерпения позволить себе не могли. Слишком хорошо они знали, кто должен стать их жертвой. Осторожно, будто боясь спугнуть удачу, они приблизились вплотную к дому. Одна тварь побежала вокруг, неторопливо проверяя все подходы. Вторая медленно, словно опасаясь удара, заглянула в окно.

— Убери руку, женщина! — взмолился *он*, напрягаясь изо всех сил, но услышал лишь жалобный детский плач.

Тварь, завершившая круг, скользнула в открытое окно соседней комнаты. Еще секунду назад казавшаяся угловатой на голенастых ногах, она теперь, подобно ящерице, распласталась на полу, плавно переставляя конечности, стелясь, словно клочок утреннего тумана. Вторая замерла под окном спальни, готовая одним рывком ворваться внутрь, когда начнется потеха.

— Убери руку... — стонал *он*, пытаясь оттолкнуть теплую ладонь и видя, как неумолимый убийца подползает все ближе.

Что-то внезапно изменилось в окружающем пространстве. Словно прохладный воздух вдруг заструился в неподвижной духоте комнаты. Ветерок легким перышком коснулся *его* лица. Тварь отшатнулась от окна, жалобно заскулив, когда в комнате замерцало что-то большое и еще более стремительное, чем они. Подползший слишком близко второй убийца уже не мог спастись. Мерцание разрубило его надвое, превратив из ужасного монстра в груды костей и жил. Несколько секунд — и останки исчезли, вернувшись туда, откуда тварь пришла в этот мир.

Женщина встревоженно вскинулась, всматриваясь в темноту комнаты, где ей почудилось неясное движение. Словно мелькнуло что-то — то ли тюль на ветру, то ли крыло огромной белой птицы. Но там ничего не было, и она, решив, что задремала, легла вновь, прислушиваясь к дыханию внезапно успокоившегося малыша.

— Ты пришел, — облегченно вздохнул *он*, глядя на склонившуюся огромную белую фигуру.

— Разве могло быть иначе? — спросил гость, улыбаясь. — Я был рядом, но до последнего мига надеялся, что они уйдут. Ты ведь под защитой.

— Я почти ничего не помню, — пожаловался *он*.

— Ты осужден. Поэтому тебя лишили связи с Сутью, — пожал плечами гость. — Это меня не тревожит. Но мне не хотелось бы оставлять тебя одного. Памятуя о том, что только что произошло, — тем более. Но решение неоспоримо. Я закрою прорехи, и они больше не придут... Они не найдут...

— Странно... я же почувствовал их. И я помню, кто они. Разве я мог бы сделать это, не имея связи с Сутью?

— Да, — гость грустно усмехнулся, — но это всего лишь тоненькая нить, паутинка, воспоминание... И да-

же она останется лишь до тех пор, пока это маленькое тельце не взрастит в себе сознание.

Гость выпрямился. Что-то с шелестом плеснулось за его спиной, заполняя белым снегом всю комнату.

— До встречи через жизнь, — шепнул гость, проводя ладонью над кроваткой с затихшим ребенком. — До встречи...

Струйка свежего воздуха коснулась влажной от пота кожи, и женщина вновь встревоженно приподнялась. Что-то изменилось, казалось, в самом воздухе. Может быть, завтра будет дождь? Женщина встала, склонилась над детской кроваткой. Малыш спокойно спал, мерно и тихо посапывая. Его вид мгновенно успокоил женщину, лучше любого снотворного подействовав на состояние матери. Сон легким покрывалом коснулся ее, и через минуту весь дом был охвачен мирным безмолвием.

Г Л А В А 1

Зима нынче в Подмосковье выдалась великолепной. Много снега, мороз, частые солнечные дни. А вечером, когда ночь вступала в свои права, всем, кто, выйдя на улицу, поднимал взгляд вверх, открывалась почти чарующая картина — яркие, крупные звезды, ясно видимые сквозь хрусталь зимнего воздуха.

Восьмидесятые перевалили на вторую половину, и мир вокруг выглядел таким же прозрачным, как этот чистый морозный воздух. Сегодня вечером во многих квартирах небольшого подмосковного городка люди садились гадать, как и много лет назад их предки. Близилось Рождество, и многие, ставя зеркала, соединяя руки на донышках блюдец или как-то еще, пытались нагадать себе счастье если не на всю жизнь, то хотя бы на следующий год. Человек всегда верит во что-то таинственное, немного страшное и непонятное, но тем как

раз и притягивающее к себе. Такова его суть, и не важно, где он родился, вырос и живет — в знойной саванне Африки или в прохладной Скандинавии, на островах в Индийском, Тихом океанах или еще где на этой такой маленькой Земле, затерянной в необъятных просторах Вселенной.

— Прикольно, конечно, но пускай он мне ответит на какой-нибудь вопрос, — скептически усмехнулся юноша, наблюдая, как несколько его родственников с благоговейным ужасом читают буквы, указываемые скользким под их руками блюдцем. — Давайте я спрошу, и сразу станет ясно, что это никакой не дух.

— Леша, успокойся, — одернули его. — Это не цирк. С духами нельзя шутить.

— Ну да. И кто же из вас дух? — вскинул брови юноша. — Почему вы не хотите, чтобы я спросил? Просто играетесь и понимаете, что ни на один серьезный вопрос ответить не сможете?

Он язвил лишь потому, что ничего не принимал на веру без веских доказательств. И пусть кому-то это могло показаться цинизмом или грубостью, но Леха ничего с этим поделать не мог. Хотя в глубине души ему безумно хотелось, чтобы это блюдце действительно оказалось замочной скважиной в иной, невидимый и неведомый, мир. Мир огромный и сложный, где нашли место под солнцем сонмы предков и где найдет со временем место и он сам. Ему очень хотелось поверить во все это, но сдаться, не получив подтверждений, ему просто не позволял характер.

— Если сам не веришь, иди, не мешай нам, — укоризненно покачала головой мама. — Не злобствуй. Просто дай нам спокойно этим заниматься. Ведь тебя-то никто не заставляет садиться в круг.

— Ну... я бы поверил, если вы позволите мне задать несколько вопросов, — упрямо качнул головой Леха, с детства продемонстрировавший, что он не привык сда-

ваться и не шибко признает авторитеты. — Что, вам слишком сложно дать мне возможность о чем-нибудь спросить?

Но тут блюдце под руками гадающих быстро задвигалось, мечась по листу ватмана с начертанными буквами и цифрами. Все оживились, моментально забыв о споре.

— Кто ты? — с чувством спросили сразу несколько голосов.

Блюдце продолжало метаться, совершая хаотичные движения.

— Тебе что-то мешает? — спросил отец.

Блюдце замерло над написанным ответом «Да».

— Что? — подхватили остальные.

Блюдце вновь заскользило по ватману, перебегая от буквы к букве. Все словно замороженные смотрели на его бег, повторяя хором указанные буквы.

— А... Эл... Е... Ка... Эс... Е... И краткое... Алексей?!

Блюдце метнулось к ответу «Да».

— Леха! Прекращай! — зашумели все. — Ты нам все гадание портишь!

— Чем я порчу?! — взвился юноша, гневно сверкнув глазами. — В прошлый раз кошка вам мешала, теперь я. Кому-то из вас, кто блюдце крутит, просто не нравится, что я могу его подловить.

— Прекращай уже. Нам что теперь, бросить все из-за твоего упрямства?

— Да ну вас всех! — обозлился Леха. — Сидите как дураки над этим блюдцем. Нашли себе игрушку...

Он быстро оделся и вышел из квартиры, хлопнув дверью. Алексей здорово злился, лишившись даже надежды на то, чтобы поверить. Яркие звезды на черном бархате неба выглядели колдовскими и чарующими. Неожиданно он почувствовал, что пространство вокруг него как-то изменилось. Словно стоит сделать какое-то движение, раскинуть руки — и взлетишь, поднимаясь к